

20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее

© Зеленев Е.И.^a, Солощева М.А.^b, 2021

^{a,b} НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

^a ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com

^b ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Резюме. В статье исследуется период с 2000 по 2020 гг., во время которого КНР осуществляла системное проникновение в Африку. Усиление позиций Китая в Африке объясняется четырьмя очевидными группами причин: геополитическими, идеологическими, финансово-экономическими и торгово-логистическими. Авторы склонны выделять пятую группу причин стратегического характера. Китайская стратегия в отношении Африки не была догмой, она развивалась на каждом этапе китайско-африканских отношений в течение последних двух десятилетий.

Рассматриваемое двадцатилетие авторы делят на исторические периоды, логически связанные с концепциями развития, которые выдвигали три председателя КНР: Цзян Цзэминь (1993-2003), Ху Цзиньтао (2003-2013) и Си Цзиньпин (2013 - по н.в.). Каждый из этих периодов рассматривается с точки зрения эволюции стратегического обоснования китайского внешнеполитического курса в отношении Африки, а также коррелируется с выходом КНР на глобальный уровень взаимодействия с остальным миром.

За последние 20 лет Китай не только укрепил свои позиции на африканском континенте, но и, наряду с США, приобрел заслуженную репутацию panafricanского политического актора. Разница заключается в том, что Китай по-прежнему значительно уступает США в плане своего военного присутствия на африканском континенте. Лидеры Китая признают этот факт и стремятся исправить баланс сил в регионе. В последние годы Китай стал поощрять африканские страны к совместному созданию военно-политических и одновременно экономических межгосударственных объединений, используя для этого, наряду с уже традиционными для китайской внешней политики методами из арсенала мягкой силы (soft power), также и комбинированные методы, получившие в международной практике название умной силы (smart power).

Ключевые слова: Китай, Африка, китайско-африканские отношения, Си Цзиньпин, стратегический подход

Для цитирования: Зеленев Е.И., Солощева М.А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее. Азия и Африка сегодня. 2021. № 2. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750013956-3

20 years of China politics in Africa: from the past towards future

© Evgeny I. Zelenev^a, Maria A. Soloshcheva^b, 2021

^{a,b} National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russia

^a ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com

^b ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Abstract. This article analyzes the historical period from 2000 to 2020, during which the PRC carried out a systematic penetration into Africa. The strengthening of China's position in Africa is explained by four obvious groups of reasons: geopolitical, ideological, financial and economic, trade and logistics. The authors tend to highlight the 5th group of stratageme nature. China's stratageme on Africa has not been a dogma, but has evolved at every stage of Sino-African relations over the past two decades.

The authors divide China's activities in Africa into four historical period, logically linking them with the years of presidency of the three chairmen of China: Jiang Zemin (1993-2003), Hu Jintao (2003-2013) and Xi Jinping (2013 to the present). Each of these periods is discussed in the article from the point of view of evolution stratageme rationale of Chinese foreign policy towards Africa, and also correlated with the move of China to the global level of interaction with the rest of the world.

Over the past 20 years, China has not only strengthened its position on the African continent, but, along with the United States, has earned a well-deserved reputation as a pan-African political actor. The difference is that China is still significantly inferior to the United States in terms of its military presence on the African continent. PRC leaders recognize this fact and aim to correct the balance of power in the region. In recent years China started encouraging African countries to jointly create military-political and at the same time economic interstate associations.

Keywords: China, Africa, Sino-African relations, Xi Jinping, stratageme approach

For citation: Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. 20 years of China politics in Africa: from the past towards future. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 5-14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750013956-3

ВВЕДЕНИЕ

В 2020 г. исполнилось ровно 20 лет системного проникновения Китая в Африку, начало которому положило принятое в 2000 г. историческое решение председателя Госсовета КНР Цзян Цзэминя (1993-2003 гг.) о проведении в Пекине первого Форума сотрудничества Китай-Африка (далее - ФСКА). Примерно тогда же наметился возросший интерес Китая к другим макрорегиональным системам мира, прежде всего к Азии, Европе, Северной и Южной Америке, а макрорегиональный вектор занял ключевое место во внешней политике Поднебесной.

В начале 2000-х казалось, что выход китайской внешней политики на макрорегиональный уровень объясняется банальным поиском рынков сбыта товаров и поиском источников сырья для стремительно развивающейся экономики. Применительно к Африке это объяснение выглядит недостаточным, поскольку, даже спустя 20 лет, с учетом не только экспорта, но и импорта, китайско-африканский сегмент внешней торговли не дотягивает до 5% всего китайского внешнеторгового оборота, что, на наш взгляд, не вполне соответствует масштабам китайского проекта утверждения своих геополитических интересов на Черном континенте.

Речь идет не об избирательном подходе КНР к выбору партнеров, а о сетевой модели контроля и управления, когда решается задача тотального политического и экономического охвата всех африканских стран с последующим ранжированием их по особой шкале значимости для Китая. Столь масштабный политический проект должен иметь стратегическое или, как принято говорить в Китае, стратегаемое обоснование [8].

На это указывает наметившаяся в конце 1990-х - начале 2000-х гг. глубинная смена не только векторов внешней политики, но и китайского внешнеполитического менталитета: из страны, занятой собственными проблемами и обеспокоенной внешнеполитическим вмешательством в собственные дела, Китай стал превращаться в глобальную державу, готовую к тотальной «геополитической экспансии» и обладающей соответствующей государственной доктриной [3, с. 10-26, 717-724].

Наличие такой доктрины подтверждается тем, что с 1999 по 2009 гг. в КНР получила развитие и укоренилась концепция Китая как «ответственной державы», т.е. государства, чьи собственные интересы взаимозависимы с интересами всего человечества. Концепция «ответственной державы» применительно к КНР полностью оформилась в государственную доктрину к концу правления Ху Цзиньтао (2003-2013 гг.), и была продолжена на новом концептуальном уровне Си Цзиньпином после 2013 г. В уточненной формулировке КНР в рамках этой важнейшей внешнеполитической доктрины именуется «ответственной крупной развивающейся державой» с высоким модусом международных обязательств, возведенных в центральный принцип внешней политики страны [9, с. 65].

Смысл сказанного в том, что КНР ведет себя в Африке как глобальная держава, имеющая в этом регионе мира единственного достойного во всех отношениях (кроме, пока, военного) соперника - это США [1].

Предлагаемая статья ставит цель провести исторический анализ 20-летнего периода китайско-африканских отношений, разработав его периодизацию. Важнейшим критерием предлагаемой периодизации должна стать эволюция стратегаемого обоснования китайского внешнеполитического курса в отношении Африки. С высокой степенью вероятности такое обоснование существует, но оно никогда не было и не будет публично заявлено, что вытекает из традиционных принципов китайской политической культуры, обусловленной важным элементом китайской политической культуры - концепцией «лица» [3, с. 671-675].

Авторы предлагают разделить прошедшее 20-летие китайско-африканских отношений на четыре периода: 2000-2006, 2007-2013, 2014-2017, 2018 - по н.в., рассмотрев каждый из них с точки зрения генезиса элементов стратегаемого подхода.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОНИКНОВЕНИЯ КНР В АФРИКУ

Китайско-африканские отношения имеют многовековую историю. Заметно активизировались китайско-африканские отношения во второй половине 1950-х гг. под влиянием конкуренции КНР и Советским Союзом, развернувшейся между ними за «гегемонию» над странами третьего мира, в т.ч. и африканскими. Китай предлагал африканским странам сотрудничество на иной, чем СССР, основе - на знаменитых «пяти принципах мирного сосуществования», принятых на Бандунгской конференции 1955 г., в дальнейшем вошедших в состав 10 принципов Движения неприсоединения [3, с. 56-57].

Даже в сложный для страны период «культурной революции» Китай не забывал об африканском внешнеполитическом направлении. Начиная со знаменитого «тура» премьера Госсовета Чжоу Эньлая по 10 странам Африки (Египет, Алжир, Марокко, Тунис, Гана, Мали, Гвинея, Судан, Эфиопия и Сомали), который продлился с декабря 1963 по февраль 1964 г., все высшие китайские государственные деятели считали для себя обязательным посещение Африки [5].

После распада СССР в 1991 г. и последовавшего затем ослабления геополитического соперничества между РФ и США, африканское направление примерно на 10 лет стало маргинальной сферой глобальной внешней политики. Интерес Китая к Африке стал возрастать в самом конце 1990-х на фоне быстрого развития китайской экономики. Драйвером активизации китайско-африканских отношений стала в тот период, вопреки ожиданиям, не экономика, а политика, точнее - политическая воля высшего руководства страны в лице председателя Госсовета КНР Цзян Цзэминя (1993-2003 гг.).

Успеху китайской дипломатии способствовало благоприятное, в целом, восприятие в Африке Китая, который не участвовал в колонизации и даже сам имел опыт колониального закабаления в XIX - первой половине XX вв. Эти обстоятельства нашли отражение в китайском идеологическом проекте, призывавшем выстраивать «китайско-африканское сообщество с единой судьбой». Базовыми принципами этой идеологии являются мирное развитие, открытость, инклюзивность и обоюдный выигрыш сторон, суверенитет и добровольность действий, интеграция и координация действий, а также общая, но дифференцированная ответственность участников отношений [3, с. 97-117].

В начале XXI в. эти идеи получили современное концептуальное обоснование, развившееся на почве нового мирового геополитического порядка с одним полюсом силы - США. После распада СССР Китай остался единственной социалистической державой, способной продолжить политический курс на сотрудничество с «национально-освободительным движением развивающихся стран Африки», как это было сформулировано ортодоксальной социалистической идеологией еще в 1950-1970-х гг.

КИТАЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2000-2006 гг.

В период 2000-2006 гг. китайская политика в Африке соответствовала критериям 4-го технологического уклада, принципам которого была привержена тогдашняя политическая элита КНР во главе с Цзян Цзэминем [3, с. 30-34].

В китайско-африканском сотрудничестве того времени преобладали простые формы двусторонней взаимовыгодной кооперации. Первоначально главное внимание Китай уделял развитию торговых отношений со странами Африки, чему в немалой степени способствовало повышение в 2005 г. уровня утверждения валютных операций с \$3 млн до \$10 млн, отмена квот на объем иностранной валюты для зарубежных инвестиций, а также снятие правила об обязательном возврате прибыли в национальную экономику [10]. Речь шла о торговле, сфере услуг и в отдельных странах - о строительстве различных объектов.

Новая форма китайско-африканского взаимодействия в виде ФСКА с самого начала была нагружена стратегической целью достижения, обратим внимание, «нового международного политического и экономического порядка». По итогам Форума 2000 г. была принята «Пекинская декларация Форума китайско-африканского сотрудничества» - первый официальный документ, определявший макрорегиональную стратегию отношений КНР с Африкой¹.

Развитие китайско-африканских отношений оказалось под началом двух китайских министерств - Министерства иностранных дел (МИД), курировавшего работу ФСКА, и министерства коммерции, располагавшего штатом - Канцеляриями по торгово-экономическим вопросам во главе с советниками, функционировавшими под крышами абсолютного большинства посольств КНР в странах Африки.

Началу китайского политико-экономического проникновения в Африку способствовало официальное анонсирование в 2002 г. стратегии «Выхода во вне». По итогам Второй конференции ФСКА, которая прошла в Аддис-Абебе (Эфиопия) в 2003 г. для части африканской продукции было предоставлено право беспощинного ввоза, а в отношении более 190 африканских компаний были сняты все таможенные тарифы, что, наряду со стимулами для китайских компаний, открыло простор для взаимного товарообмена [6, с. 73]. КНР в данном вопросе действовала по аналогии с США, которые еще в 2000 г. предоставили право беспощинного ввоза товаров в США ряду стран Африки, в соответствии с подписанным президентом Биллом Клинтоном - «Актом о росте и возможностях для Африки» (*AGOA - African Growth and Opportunity Act*).

Объединенные усилия двух китайских министерств (МИД и министерства коммерции) принесли плоды: уже в 2009 г. КНР вышла на 1-е место в мире по объему товарооборота со странами Африки, с тех пор стабильно закрепив за собой первую строчку в мировом рейтинге по этому показателю². Для Пекина главным условием установления экономических и иных связей африканских стран с КНР стало наличие между

¹ Beijing Declaration of the Forum on China-Africa cooperation. Ministry of Foreign Affairs, 17.11.2000. (In Chin.). <https://www.focac.org/chn/zywx/zywj/t155560.htm> (accessed 16.09.2020)

² В соответствии с последней доступной официальной информацией, суммарный товарооборот КНР со странами Африки превысил \$204 млрд (2018 г.) (см: Statistical Yearbook of China 2019. (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2019/indexch.htm> (accessed 16.09.2020)

ними дипломатических отношений, т.е. признание принципа «одного Китая». На сегодняшний день у КНР в Африке нет дипломатических отношений только с Эсватини (до 2018 г. - Свазиленд), а также с непризнанным ООН государством Западная Сахара.

С начала 2000-х действенным инструментом двусторонних отношений становятся регулярные заседания Межправительственных комиссий (МПК) с отдельными африканскими странами. Уже к концу 2012 г. Китай заявил о том, что механизмы взаимодействия на уровне торгово-экономических комиссий были установлены с 45 африканскими странами³, а план взаимодействия на 2019-2021 гг., утверждённый по итогам ФСКА 2018 г., включает пункт 2.2.1 о необходимости развития МПК⁴. Таким образом, на фундаменте торгово-экономических отношений с Африкой, заложенном в 2000-2006 гг., сегодня выстраивается весьма внушительное здание panaфриканского сотрудничества КНР.

Новый китайский лидер Ху Цзиньтао (2003-2013) не только продолжил африканскую политику своего предшественника, но и закрепил ее панрегиональный характер, что нашло отражение в итоговом документе третьего ФСКА, который прошел в Пекине в 2006 г., - «Китайская политика в Африке»⁵.

Именно благодаря Ху Цзиньтао китайско-африканский проект поднялся на качественно новый уровень, когда наряду с торговлей, сферой услуг и строительством ведущую роль в продвижении китайских интересов в Африке стало играть крупномасштабное инвестирование китайских капиталов в африканскую экономику. Для Китая стало нормой делиться с африканскими партнерами опытом «индустриализации», воспроизводя в Африке объекты, аналогичные созданным в самом Китае. Это соответствовало принципам 4-го технологического уклада, однако в самом Китае в этот период происходил переход авангардных сегментов экономики на рельсы 5-го технологического уклада [15].

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПЕРИОД (2007-2013)

Период 2007-2013 гг. может быть охарактеризован как переходный этап от двустороннего и регионального к panaфриканскому масштабу сотрудничества КНР с Черным континентом. Торгово-экономическое сотрудничество, дополненное мощной инвестиционной программой, отражало парадигмальные принципы 4-го технологического уклада, с обязательной индустриализацией в производительном секторе экономики, логистике и инфраструктуре [3, с. 319-323].

Сочетание государственной и частной предпринимательской инициативы позволило Китаю строить двусторонние отношения с африканскими государствами, гармонизируя их в политико-экономическую амальгаму. Главным лозунгом двустороннего сотрудничества в этот период оставалось взаимовыгодное партнерство «без проигравших» (*win-win*). На самом деле, китайско-африканские отношения в этот период уже начинают строиться в соответствии с доктриной «страна-лидер - страна-последователь». Эта доктрина обосновывается теорией зависимого и неравноправного развития, выдвинутой немецким экономистом Фридрихом Листом [16], и получившей развитие в трудах его последователей, принадлежащих к различным теоретическим школам⁶.

Смысл доктрины в том, что бывшие колониальные страны, получив независимость, оказываются неспособными самостоятельно реализовать полученный суверенитет. Они обращаются за помощью к бывшим странам-метрополиям и не только к ним. Как правило, помощь носит финансовый характер, ставя страну-получателя в долговую зависимость от страны-донора. Так возникают новые, уже постколониальные формы зависимости, которые нередко становятся еще более жесткими и грабительскими, чем колониальные, поскольку формально страна-лидер не несет моральной ответственности за судьбу страны-последователя - они равноправные партнеры с общей, но дифференцированной ответственностью.

Именно эта модель отношений стала преобладающей в китайско-африканских отношениях в 2007-2013 гг., окончательно оформившись позднее, уже при Си Цзиньпине.

Здесь следует внести уточнение. Дело в том, что в китайской интерпретации доктрины зависимого развития, в отличие от ее западного аналога, факт неравноправного партнерства китайской стороной никогда не признавался, напротив, всячески подчеркивалось, что Китай чужд неоколониальным методам эксплуатации и видит в африканских странах равноправных партнеров. Действительно, экономическая, а осо-

³ China-Africa Trade Relations. The State Council of the People's Republic of China, 29.08.2013. (In Chin.). www.gov.cn/zhengce/2013-08/29/content_2618549.htm (accessed 16.09.2020)

⁴ China-Africa Trade Relations. The State Council of the People's Republic of China, 29.08.2013. (In Chin.). www.gov.cn/zhengce/2013-08/29/content_2618549.htm (accessed 16.09.2020)

⁵ China's African policy document 2006. (in Chin.) https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/t230612.shtml (accessed 16.09.2020)

⁶ Теорию зависимого развития разрабатывали бразильский социолог и государственный деятель Фернандо Кардозо, чилийский социолог Энцо Фалетто, египетский экономист Самир Амин, аргентинский экономист Рауль Пребиш, американский политолог Иммануил Валлерстайн и др. (прим. авт.).

бенно финансовая помощь КНР африканским странам осуществлялась преимущественно за счет государства, а не за счет частного капитала, как, например, в случае с Индией.

Мы полагаем, что китайская модель развития имеет в основе госкапиталистический экономический базис с надстройкой в виде «общенародного государства», осуществляющего плановое социалистическое управление экономикой. Первоначально эта модель была мобилизационного типа, выстроена как инвестиционная, нацеленная на рост реального производства (по аналогии с экономической моделью СССР). Поэтому финансово-кредитная и финансово-инвестиционная политика КНР в Африке, приводящая многие африканские страны на путь зависимого развития, была и остается окрашена в цвета «социалистического гуманизма», что, впрочем, не меняет существа вопроса: африканские страны, получающие китайскую помощь, расплачиваются за нее своим суверенитетом.

Справедливости ради отметим, что «новому китайскому руководству удалось «переключиться» на более гибкий вариант эклектично-синкретической модернизации комбинированного типа» с опорой на развитие страны, что, однако, не изменило инвестиционный характер всей модели [3, с. 722].

Именно с середины 2000-х китайская экономика фактически начинает формировать цены на сырье на мировом рынке, а внешнеторговый профицит Китая и его золотовалютные резервы, благодаря своим гигантским размерам, гарантируют стране свободный доступ к мировым природным ресурсам методом инвестиционных интервенций. Государственные предприятия, получавшие инвестиционную поддержку китайского правительства, ориентировались и ориентируются, прежде всего, на ресурсные отрасли. Они выбирают для сотрудничества страны с высокими политическими рисками, но низкой конкуренцией. Тогда как мотивы частных китайских инвесторов продиктованы сугубо рыночными факторами, демонстрируя всеядность от инвестирования в легальную и полулегальную золотодобычу до кредитования оптовой торговли товарами ширпотреба.

Из 100% китайских предприятий, действующих сегодня в Африке, 90% - частные компании, и лишь в Анголе и Кении доля государственных предприятий из всех действующих китайских компаний достигает 30% [18]. Основную массу китайской экономической активности в Африке обеспечивает частный капитал, тогда как государство определяет векторы экономического продвижения и, в определенной мере, обеспечивает частный капитал государственными экономическими гарантиями в форме кредитов, займов и ссуд.

В рассматриваемый период существенно расширился круг структур, получивших от руководящего ядра КПК право влиять на региональную политику внутри страны, и отчасти, за рубежом. Начало административной децентрализации положил Цзян Цзэминь, а системный характер этому процессу придал уже Ху Цзиньтао, при котором возрос профессионализм государственной бюрократии, корпоративный плюрализм и децентрализация в принятии некоторых решений, право на которое центральное правительство доверило местным провинциальным властям [14, с. 52-61].

Некоторая децентрализация в принятии решений затронула и финансово-инвестиционную сферу, сделав китайскую инвестиционную политику в Африке более органичной местным африканским условиям. После 2007 г. ведущим оператором в сфере прямых иностранных инвестиций в африканские страны стал Фонд развития Китай-Африка, созданный по итогам ФСКА 2006 г.

Проходившие при Ху Цзиньтао масштабные инвестиции были направлены в инфраструктуру, сельское хозяйство и производство, т.е. в развитие секторов африканской экономики, соответствующих приоритетам 4-го технологического уклада. Сам же Китай к началу второго десятилетия XXI в. стал осваивать парадигму развития, соответствующую 5-му технологическому укладу, уделяя приоритетное внимание вопросам охраны окружающей среды, альтернативным источникам энергии и более рациональному использованию собственных природных ресурсов.

Что касается сотрудничества Китая с Африкой в сфере высоких технологий и экологии, то в повестке дня рассматриваемого периода эти вопросы йне фигурировали. Они стали появляться в контексте китайско-африканских отношений только при следующем председателе Госсовета КНР.

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТАГЕМА СИ ЦЗИНЬПИНА (2014-2017 гг.)

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 г. китайская внешняя политика в целом и в Африке, в частности, дополнилась рядом инициатив, самой масштабной и значительной из которых была идея «Один пояс - один путь». Она была озвучена председателем КНР во время его визита в Казахстан в сентябре 2013 г. на форуме «Экономического пояса Шелкового пути», где имелся в виду сухопутный транзит из Азии в Европу. В октябре того же года в Индонезии эта идея была обнародована уже как «Морской Шелковый путь XXI века», который начинался в Китае и проходил через Индийский океан до Восточной Африки, а затем в Европу.

С 2013 г. ФСКА оказался увязан с повесткой программы «Пояса и Пути», что в глазах африканцев делало оба проекта политически и экономически привлекательными, а политику КНР в Африке последовательной и комплексной.

В рассматриваемый период получила дальнейшее практическое воплощение внешнеполитическая концепция «страна-лидер - страна-последователь», украшенная, как и другие китайские политические инициативы, неповторимой самобытностью. При председателе Си была создана бинарная конструкция: ФСКА запускает механизм отбора стран, готовых следовать в политическом фарватере КНР с перспективой стать страной-последователем Китая, а программа «Пояса и Пути» де-факто «оформляет членство» в клубе стран-последователей Китая, закрепляя эти страны в шлейфе китайского влияния не только политически, но и экономически. Так схематично стал выглядеть проект, именуемый «Китай-Африка» с точки зрения доктрины зависимого развития.

Важной вехой нового этапа китайско-африканских отношений стал 2015 г., когда в Йоханнесбурге (ЮАР) состоялся ФСКА, прошедший под лозунгом «Продвижение к взаимному выигрышу и совместному развитию». В ходе работы Форума были выделены приоритетные сферы и разработаны планы сотрудничества в области инфраструктурных проектов, финансов и инвестиций, здравоохранения, торговли, модернизации и индустриализации, экологии и т.д. Итогом Форума стал план действий стран-участниц на 2016-2019 гг.⁷

Предлагавшиеся КНР конкретные проекты сотрудничества существенно отличались от «пакетных предложений» помощи, исходящих от стран условного Запада. Неслучайно по итогам Форума в 2015 г. между КНР и Африканским Союзом был подписан «Меморандум о взаимопонимании в области объединения 54 государств Африки транспортными и другими средствами коммуникации». Это сразу привело к строительству при китайском участии железных дорог «Абуджа-Кадуна», «Чад-Судан», «Лагос-Калабар», «Найроби-Мамбаса», «Аддис Абеба - Джибути», шоссейных дорог и модернизации авиационного сообщения, существенно изменивших логистическую ситуацию в Восточной Африке [4]. Соответствие panaфриканской политики КНР интеграционным задачам Афросоюза стало не только очевидным, но и вызвало тревожную реакцию ряда западных государств, прежде всего США.

Форум в Йоханнесбурге в 2015 г. проходил под патронажем Китайского экспортно-импортного банка, по инициативе которого был создан Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества, через который стало осуществляться масштабное финансирование транспортных проектов и высокотехнологичных предприятий (строительство железных дорог, автомагистралей, аэропортов, электростанций, линий электропередачи, технопарков и пр.) [19].

Новой формой сотрудничества с африканским бизнесом стали Китайско-африканские инвестиционные форумы. Первый такой Форум прошёл в Пекине в 2014 г., в 2017 г. в Марокко - второй, на который собралось более 500 африканских и китайских предпринимателей и чиновников, обсуждавших последствия реализации инициативы «Пояса и пути», а также, в соответствии с принципами 4-го технологического уклада, рассматривались перспективы «индустриализации Африки» [12, с. 122].

Планируя иностранные инвестиции, в 2014 г. КНР ввела новые правила контроля над ними. Национальная комиссия по развитию и реформам подписала приказ о введении «Административных мер по проверке и регистрации зарубежных инвестиционных проектов», которые значительно упростили процесс согласования инвестиционных проектов объемом до \$1 млрд. В том же году Государственное управление валютного контроля приняло (а затем обновило в 2015 г.) «Положение о централизованном функционировании и управлении валютными фондами ТНК», которое позволило китайским компаниям самостоятельно распоряжаться валютными поступлениями до \$100 млн в год⁸.

Годом позже, в 2016 г., выявился значительный процент китайских нерентабельных инвестиций, в т.ч. и в африканском финансово-экономическом сегменте. С целью сокращения нерентабельных инвестиций Госсовет КНР в 2016 г. издал внутреннее распоряжение об ограничении максимального размера сделок *M&A* (*Mergers & Acquisitions* - слияние и поглощение) и инвестиций в непрофильные активы компаний. Госуправление валютного контроля ввело собственные ограничения: с 2016 г. оно стало самостоятельно проверять все переводы за границу, превышающие \$5 млн (раньше лимит составлял \$50 млн). В 2017 г. и позднее принимались законы, дополнявшие и усиливавшие государственное регулирование порядка инвестирования за рубежом, в полной мере распространявшиеся и на Африку⁹.

Проблема нерентабельных инвестиций имела отношение преимущественно к частному бизнесу, который использовал государственные кредиты в очевидно рискованных проектах, заканчивавшихся банкротством и невозвратом кредитных средств. Что же касается априори нерентабельной деятельности государственных предприятий и банков, невозвращаемых инвестиций в африканские государства по по-

⁷ Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan (2016-2018). https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1323159.shtml (accessed 16.09.2020)

⁸ Circular of the State Administration of Foreign Exchange on the Printing and Distributing of the Regulations on the Centralized Operation and Management of the Foreign Exchange Funds of MNCs. 2015. <https://www.safe.gov.cn/en/2015/1111/769.html> (accessed 16.09.2020)

⁹ См. также: Laws and Regulations Policy. National Development and Reform Commission. (In Chin.). https://www.ndrc.gov.cn/fggz/lywzjw/zcfg/wap_index.html (accessed 16.09.2020)

литическим мотивам, такого рода финансовая деятельность продолжалась и даже имела тенденцию к росту.

Эта двойственность понимания того, какие инвестиции являются рентабельными, а какие нет, отражает, на наш взгляд, трансформацию всей китайской политики в Африке в государственную доктрину, которая объединяет в себе экономический прагматизм с сугубо политически мотивированными решениями.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что крупное китайское инвестирование в Африку целиком и полностью находится под контролем государства. Что касается средних и мелких частных инвестиций, то и там контроль государства осуществляется через кредитно-банковскую сферу, но выглядит несколько мягче [3, с. 317-345].

Переломным моментом 2013-2017 гг. стал структурный кризис китайской политики в Африке, одним из проявлений которого была борьба с убыточными инвестициями. Другим симптомом этого кризиса стало решение о создании первой зарубежной военной базы КНР. Речь идет об объекте, деликатно именуемом в Китае «Базой обеспечения Народно-освободительной армии Китая».

Поводом для создания базы стал инцидент с группой китайских специалистов в столице Мали - Бамако 20 ноября 2015 г., когда террористы напали на отель «Рэдиссон Блю». При освобождении были убиты 3 китайских инженера¹⁰. Этот, казалось бы, незначительный эпизод привел к двум тенденциям, которые с тех пор систематически усиливались. Во-первых, это расширение китайского участия в миротворческих миссиях ООН в Африке. Во-вторых, в 2016 г. началось строительство китайской многофункциональной военно-морской, воздушной и сухопутной базы в Джибути, которая была официально открыта в августе 2017 г.

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА В АФРИКЕ ПОСЛЕ 2018 г.

В сентябре 2018 г. состоялся очередной саммит ФСКА в Пекине, на котором председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин заявил о новом пакете финансирования для Африки: за 3 года в Африку было запланировано инвестировать \$60 млрд, из которых государство брало на себя \$50 млрд, а китайские частные компании - \$10 млрд.

Объявленный новый пакет инвестиций призван доказать, что КНР не стремится заманить африканские страны в долговую ловушку, как это утверждают мировые СМИ, а оказывает им рациональную взвешенную финансово-экономическую поддержку в соответствии с официальной идеей о необходимости создания «гармоничного мира совместного процветания», органично связанной с коммунистическим лозунгом поддержки национально-освободительных движений - одного из отрядов глобальной социалистической революции.

Подтверждением китайской щедрости и, до известной степени, бескорыстия стало выделение 15 из 60 млрд в качестве беспроцентных кредитов (по сравнению с 5 млрд аналогичных кредитов в 2015 г.), а также списание в 2018 г. части долгов Ботсване и реструктуризация долга Эфиопии [17]. Таким образом, экономический прагматизм и политический интерес в китайско-африканской политике идут рука об руку.

После анонсирования Си Цзиньпином программы «Один пояс - один путь», после того как первый китайский пехотный батальон принял участие в миротворческой операции ООН в Африке, и особенно после 2017 г., когда заработала первая китайская зарубежная военная база в Джибути, ситуация стала постепенно меняться в пользу усиления силового фактора в рамках африканской стратегии КНР. Первым симптомом усиления военной составляющей китайской политики в Африке стал «Китайско-африканский форум по вопросам мира и безопасности», состоявшийся в 2019 г., после которого китайская официальная внешнеполитическая доктрина сделала разворот в сторону готовности защищать свои политические и экономические интересы в Африке всеми доступными средствами, включая военные [13].

Сдвиг китайской внешней политики в Африке в направлении усиления силового фактора подтверждает §6.1 официального 3-летнего плана взаимодействия, принятого по итогам ФСКА 2018 г. В этом параграфе, тщательно упакованном внутри весьма заурядного политического документа, говорится о том, что в актуальной перспективе ближайших лет предпочтительным форматом сотрудничества КНР с африканскими странами становятся не двусторонние, а трехсторонние и многосторонние отношения, в которых важным принципом будет защита государственной безопасности.

Иными словами, по нашему мнению, Китай призывает африканские страны подумать о создании совместно с КНР военно-политических и одновременно экономических межгосударственных объединений, наподобие НАТО.

С 2000 по 2018 гг. общая сумма выданных китайскими финансовыми учреждениями «африканских» кредитов достигла \$145 млрд. Главными реципиентами этих средств были Ангола (29,7%), Эфиопия (9,4), Замбия (6,7), Кения (6,2), Судан (4,7) и Нигерия (4,2), Камерун (4) и Республика Конго (3,5%)¹¹. Эти афри-

¹⁰ 3 Chinese citizens killed in Mali hotel siege, 4 rescued. *China Daily*, 21.11.2015. http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-11/21/content_22506333.htm (accessed 16.09.2020)

¹¹ Loan Data. China-Africa research Initiative, 17.07.2020. <http://www.sais-cari.org/data> (accessed 16.09.2020)

канские страны с высокой вероятностью входят в число стран-последователей Китая и будут строительным материалом для китайской блоковой дипломатии в Африке.

В последние годы важной сферой китайского проникновения в Африку с помощью инвестиций являются инфраструктурные проекты, а инструментом - Межбанковское объединение Китая и Африки (*China-Africa Inter Bank Association*), о создании которого было объявлено в 2018 г., и которое сегодня набирает силу¹².

Сравнивая нынешнее состояние китайско-африканских отношений с их состоянием 20-летней давности, признаем качественные изменения. За прошедшие 20 лет Китай не просто упрочил свои позиции на Африканском континенте, но, наряду с США, снискал себе заслуженную репутацию «панафриканского» политического актора, с той разницей, что Китай пока существенно уступает США с точки зрения его военного присутствия на континенте, что китайским руководством сознается и корректируется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай не скрывает, что в будущем видит Африку своим «близким партнером» по созданию альтернативного существующему новому миропорядка с собственной финансовой и банковской системами, о чем говорилось еще в 2000 г. в Декларации ФСКА. Уже сейчас очевидно, что эти планы КНР вступают в противоречие с интересами стран условного Запада во главе с США. В борьбе за Африку союзниками США выступают преимущественно неафриканские страны, а союзниками КНР могут стать именно страны Африки, которые способны выступить единым фронтом.

Готовясь к грядущим глобальным кризисам и наращивая военное присутствие в Африке, Китай подчеркивает сугубо оборонительный характер своих действий, что близко к действительности. Китай в Африке всячески избегает не только прямых конфронтаций, но даже обострения конкуренции со своими оппонентами на африканском поле.

Складывается ощущение, что Китаю выгодна вовлеченность в африканские дела других стран, прежде всего, глобальных экономических гигантов (США, ЕС, Бразилия, Индия, Япония и др.), которые могут помочь африканским странам приблизиться к тому уровню, который позволит им стать платформой для планомерного и полноценного развертывания экономических мощностей, соответствующих 4-му и более высоким технологическим укладам.

Укрепление китайских экономических позиций в Африке объясняется четырьмя очевидными группами причин: финансово-экономической, торгово-логистической, геополитической и идеологической [7].

Авторы статьи склонны выделять 5-ю группу причин стратагемного характера. Дело в том, что современные мировые политические и экономические порядки переживают острый кризис, который рано или поздно приведет к их замене новыми формами глобального существования [2]. 5-я группа причин как раз говорит о том, что последует за коллапсом существующих глобальных политических и экономических институтов. В «новой реальности» каждому макрорегиону (Азии, Африке, обеим Америкам, Европе и Океании, а также их региональным подсистемам) будет отведена определенная роль и весьма конкретная судьба, влияя на которую имеет смысл уже сегодня.

Стратагема Китая в отношении Африки не была догмой, а эволюционировала на каждом этапе китайско-африканских отношений двух последних 10-летий. Первоначально китайский интерес к Африке возник внутри 4-го технологического уклада и был нацелен преимущественно на взаимовыгодную торговлю. Затем фокус китайской политики сместился на трансляцию китайского опыта индустриализации и реиндустриализации на страны-партнеры. Этому была посвящена китайская кредитно-инвестиционная программа второго и, отчасти, последующих исторических этапов. При этом на предпоследнем и текущем историческом этапе многие инвестиции, особенно логистического и инфраструктурного характера, уже имели стратагемную направленность, что обусловлено предполагаемой будущей ролью Африки в глобальном переходе на следующий, 6-й технологический уклад.

Китай видит себя неотъемлемой частью Азии, отводя остальным регионам вспомогательную роль в зависимости от того, как они сумеют решить стоящие перед ними задачи.

С высокой степенью вероятности Китай рассматривает Африку как пространство, куда на стадии перехода к 6-му технологическому укладу будут перемещаться те огромные технологические мощности современной китайской экономики, которые в противном случае просто будут ликвидированы. В Африку должны быть перемещены временно или на постоянной основе не только производственные мощности, но и значительные массы китайской рабочей силы (можно говорить о миллионах человек), которые окажутся лишними в экономических реалиях нового технологического уклада в самом Китае.

¹² На 2018 г. Китай финансировал в Африке свыше 3 тыс. преимущественно крупных инфраструктурных объектов (см.: [11, с. 14]).

Согласно одному из стратегических сценариев, в грядущем разделении труда роль мировой фабрики, которую сегодня выполняет Китай, перейдет Африке, население которой к середине нынешнего столетия перешагнет рубеж в 2 млрд человек, превысив в полтора раза население сегодняшнего Китая, образовав один из самых емких макрорегиональных рынков потребления товаров и услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018, № 12, с. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14
2. Волков С.Н., Дейч Т.Л. Африка в формирующейся модели мироустройства. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 7. С. 73-77. DOI: 10.31857/S032150750010106-8
3. Воскресенский А.Д., Ломанов А.В., Кривохиж С.В. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М., 2019.
4. Дейч Т.Л. Китай и Африка: итоги экономического сотрудничества последних лет. <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-i-afrika-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-poslednih-let> (accessed 16.09.2020)
5. Дейч Т.Л. «Китайский век» для Африки. *Международная жизнь*. 2013, № 10. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/953> (accessed 16.12.2020)
6. Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018, № 4. С. 68-75.
7. Зеленев Е.И., Солощева М.А. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива. *Сравнительная политика*. 2020, № 4, с. 106-122. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052
8. Зенгер Х. Стратегемы. М., 2006. Т. 1-2.
9. Лексютина Я.В. Китай как ответственная великая держава. *Международные процессы*. 2018, № 2. С. 60-72. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.4
10. Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая. *Известия Байкальского государственного университета*. 2019, № 2, С. 227-239. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(2).227-238
11. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019, № 3, С. 6-29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29
12. Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России. *Россия и современный мир*. 2018, № 4, с. 112-128. DOI: 10.31249/rsm/2018.04.10
13. Duchatel M. 2019. China's port investment: the flag behind the trade. <https://www.institutmontaigne.org/documents/china-trends/China-trends-2-print-web.pdf> (accessed 12.12.2020)
14. Duggan N. 2020. Competition and compromise among Chinese actors in Africa. *Governing China in the 21st century*. Cham.
15. Hu Jintao. Open Up New Prospects for A New Type of China-Africa Strategic Partnership. 2012. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t953166.shtml (accessed 16.09.2020)
16. List F. 1909. *The National System of Political Economy*. London.
17. Spivak V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. <https://carnegie.ru/commentary/80181> (accessed 16.09.2020)
18. Дейч Т.С., Усов В.А. Китай и Индия как драйверы Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 8. DOI: 10.31857/S032150750005774-3
19. Zondi S. China and Africa industrial capacity mode of cooperation. *China Daily*, 18.04.2018. <https://www.chinadaily.com.cn/a/201804/18/WS5ad6a8c0a3105cdcf6518fe2.html> (accessed 16.09.2020)

REFERENCES

1. Abramova I.O., Fituni L.L. 2018. The African segment of multipolar world: dynamics of geostrategic significance. *World Economy and International Relations*. № 12. Moscow. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14
2. Volkov S.N., Deich T.L. 2020. Africa in the emerging model of the world order. *Aziya i Afrika segodnya*. № 7. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010106-8
3. Voskresenskii A.D., Lomanov A.V., Krivokhizh S.V. 2019. Model of development of modern China: assessments, discussions, forecasts. Moscow. (In Russ.)
4. Deich T.L. China and Africa: Results of economic cooperation in recent years. (In Russ.). <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-i-afrika-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-poslednih-let> (accessed 16.09.2020)
5. Deich T.L. 2013. "Chinese century" for Africa. *International affairs* № 10. Moscow. (In Russ.)
6. Zakharov A.N., Rusak N.A. 2018. Foreign trade of China with African countries. *Russian Economic Bulletin*. № 4. Moscow. (In Russ.)
7. Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. 2020. Chinese rush to Africa: a comparative historical analysis. *Comparative politics*, № 4. Moscow. (In Russ.) DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052
8. Zenger H. 2006. *Stratagems*. Moscow. (In Russ.)
9. Leksyutina Y.V. 2018. China, great power responsibility, and global leadership. *International Trends*. № 2. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.4
10. Sizykh E.Y. 2019. Current Trends and Prospects of Direct Foreign Investment Export from China. *Bulletin of Baikal State University*. № 2. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(2).227-238
11. Fituni L.L. 2019. Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Political Processes in the Changing World: politics, economics, law*. № 3. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

12. Shalamov G.G. 2018. China's Presence in Africa: Lessons for Russia. *Russia and contemporary World*. № 4. (In Russ.). DOI: 10.31249/rsm/2018.04.10
13. Duchatel M. 2019. China's port investment: the flag behind the trade. <https://www.institutmontaigne.org/documents/china-trends/China-trends-2-print-web.pdf> (accessed 12.12.2020)
14. Duggan N. 2020. Competition and compromise among Chinese actors in Africa. *Governing China in the 21st century*. Cham.
15. List F. 1909. *The National System of Political Economy*. London.
16. Loan Data. *China-Africa research Initiative*, 17.07.2020. <http://www.sais-cari.org/data> (accessed 16.09.2020)
17. Spivak V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. <https://carnegie.ru/commentary/80181> (accessed 16.09.2020)
18. Deych T.S., Usov V.A. 2019. China and India as the drivers of Africa. *Aziya i Afrika segodnya*. № 8 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750005774-3
19. Zondi S. China and Africa industrial capacity mode of cooperation. *China Daily*, 18.04.2018. <https://www.chinadaily.com.cn/a/201804/18/WS5ad6a8c0a3105cdcf6518fe2.html> (accessed 16.09.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зеленев Евгений Ильич, доктор исторических наук, проф., руководитель Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Evgeny I. Zelenev, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Department of Asian and African Studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia.

Солощева Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Maria A. Soloshcheva, PhD (History), Associate Professor, Deputy Head, Department of Asian and African studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
14.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.01.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.01.2021